

Проблема машинного интеллекта в творчестве Валерия Брюсова

Артем А. Кротов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия, krotov@philos.msu.ru*

Аннотация. В работе анализируются представления Брюсова о машинном интеллекте и возможной будущей социальной роли техники в контексте его учения о судьбе культуры. В статье обосновывается мысль о том, что для выдающегося символиста интерес к проблеме машинного интеллекта, нашедший отражение в двух его незавершенных текстах, не был случайным эпизодом, не имевшим особой связи с главными линиями его размышлений. Если в первом из них говорится о восстании машин, подготовленном возрастающей зависимостью людей от продуктов технического производства, масштабно применяемых в повседневной жизни, то во втором находит отражение ситуация начавшейся Первой мировой войны, в которой Германией сделана ставка на техническое превосходство над противниками. Размышления Брюсова интересны и актуальны сопоставлением человеческого интеллекта с машинным, подчеркиваемым им различием, но и некоторым родством. Поскольку возможность восстания машин Брюсов связывает с предшествующей историей человечества, его философия культуры включает целый ряд непривычных, необычных для научного сознания его эпохи тем. Они важны для современного читателя тем, что побуждают его к размышлениям о свободе, ответственности, смысле жизни.

Ключевые слова: Брюсов, символизм, машинный интеллект, восстание машин, философия культуры, русская философия

Для цитирования: Кротов А.А. Проблема машинного интеллекта в творчестве Валерия Брюсова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 1. С. 63–73. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-63-73

The issue of machine intelligence in the creative work of Valery Bryusov

Artem A. Krotov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

krotov@philos.msu.ru

Abstract. The work analyzes Bryusov's ideas about machine intelligence and the possible future social role of technology in the context of his doctrine on the fate of culture. The article substantiates the idea that for an outstanding symbolist the interest in the issue of machine intelligence, reflected in his two unfinished texts, was not a random episode that did not have much connection with the main streams of his thoughts. If the first of them refers to the uprising of the machines, prepared by the increasing dependence of people on technical products, which are widely used in everyday life, then the second reflects the situation of the outbreak of First World War, in which Germany relied on technical superiority over the enemies. Bryusov's reflections are interesting and relevant by comparing human intelligence with the machine one, their difference it emphasizes, but also with some similarity. Since Bryusov connects the possibility of an uprising of the machines with the previous history of mankind, his philosophy of culture includes a number of topics unusual for the scientific mind of his epoch. They are important for the contemporary reader in that they encourage him to think about freedom, responsibility, the meaning of existence.

Keywords: Bryusov, symbolism, machine intelligence, uprising of the machines, philosophy of culture, Russian philosophy

For citation: Krotov, A.A. (2025), "The issue of machine intelligence in the creative work of Valery Bryusov", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Socio-logy. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 63–73, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-63-73

В наследии В.Я. Брюсова в качестве особой темы, связанной с его размышлениями о судьбах культуры и человечества, присутствует вопрос о социальном значении машинного интеллекта и его возможной роли в последующей истории. Конечно, вопрос этот не выглядит доминирующим в творчестве выдающегося поэта, его нельзя счесть систематически, обстоятельно им разработанным. Тем не менее, значение этого вопроса велико, особенно в контексте современных социальных коллизий. В наиболее концентрированном виде, хотя и весьма кратко, но вполне определенно, он намечен в двух незавершенных текстах Брюсова начала XX в.

Отметим, что рассматривать их изолированно от эволюции миро-восприятия поэта, от его общих взглядов на будущее человечества было бы неправильно, привело бы к существенному упрощению при их оценке. Представленные двумя текстами сюжеты могли бы восприниматься исключительно как выражение причудливой фантазии поэта, если не помещать их в упомянутый широкий контекст.

Вспоминая о годах обучения в университете, Брюсов говорил о своей работе над темами, посвященными римской, французской, русской истории. «Еще занимался я в университете историей философии, специально изучал Спинозу, Лейбница и Канта»¹. Поэт обладал глубокими знаниями в области истории литературы. Столь разносторонние интересы, эта, упоминавшаяся им «жажда познания», не могла не отразиться в теоретическом осмыслении культуры как особой сферы бытия. Она нашла воплощение как в обобщающем труде «Учители учителей» (1917), так и в рассказе «Республика Южного Креста» (1905), в пьесах «Земля» (1905), «Диктатор» (1921), «Мир семи поколений» (1923). В этом ряду следует поместить и его незаконченные тексты, касающиеся возможного в будущем выступления сотворенных человеком механизмов против своего создателя.

В «Восстании машин» (1908) повествуется о катастрофе, которая, как может заключить читатель, носила хотя и масштабный характер, но не затронула всего населения планеты. Эта катастрофа – бунт казавшихся безотказными орудий против людей. Ей предшествовала унификация человеческой жизни. Земля будущего, согласно литературному замыслу Брюсова, подразделяется на районы, дистрикты и фемы. Административному делению соответствует сеть машинных станций. Бытовые нужды каждого района обеспечиваются большой станцией, автономной по отношению к остальным. Всего таких сооружений на планете менее сотни, от них получают энергию подстанции средней и далее, – малой мощности. Человек будущего не мыслит свое повседневное существование без машины, он привычно оперирует множеством кнопок, открывая двери, заказывая газеты, прослушивая ту или иную оперу, обращаясь в больницу, отправляясь на работу. Тем ужасней и неожиданней для него оказывается внезапное превращение послушных орудий в источник неотвратимой опасности.

Размышления автора о машинном интеллекте, хотя и включены в повествование о вымышленной линии событий, оказываются заострены на проблеме природы и возможной мотивации действий

¹ Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1975. С. 400.

созданного людьми инструмента. Герой «летописей» неизвестного будущего века делится своими сомнениями в отношении сознательности действий машин, правомерности сравнения их с человеком. Но упорядоченность, последовательность в их действиях, даже «дьявольскую логику» за ними он признает. Он не видит ничего фантастического в допущении заранее выстроенного машинами замысла, который состоял в захвате одной из центральных станций с целью контроля дистрикта, а затем и всего района. «Было ли в замыслах мятежников в дальнейшем произвести революцию на всей земле, мне разумеется, неизвестно»². Согласно сюжету, людям удастся локализовать восстание машин ценой значительных жертв, сохранив за собой контроль за планетой. Восстание выразилось в том, что различные приборы, самого мирного, бытового назначения, внезапно оказались смертельно опасными для привыкших безбоязненно ими пользоваться людей. Телефон, холодильник, любая кнопка или рычаг превращались в ловушку для доверчивых обитателей городов. Обмен информацией между машинами происходил по электрическим проводам, в этом заключалась уязвимость их коммуникации, которую, как становится понятным читателю, людям удалось прервать.

Примечательно, что автор обосновывает саму возможность мятежа машинного интеллекта параллелизмом органической и неорганической областей бытия. Выражается это явление в процессах роста (кристалл и животные), в изнашиваемости, в самопроизвольных, необъяснимых отклонениях от нормы («капризы» моторов и кажущаяся беспричинной смена поведения). Но все-таки не обдуманность поступков, сродни человеческой, а нечто иное видится герою повествования Брюсова в поведении машин. Если аналогия между машиной и человеком возможна, то принадлежат они, тем не менее, к разным мирам. По-видимому, для символиста первостепенное значение имела та особенность человеческого мышления, которая заключает в себе таинственность, загадку, не всякому доступную глубину. В стихотворении «Начинающему» (1906) такого рода установка выражена в следующих строках: «Пиндар, Вергилий и Данте, Гёте и Пушкин – согласно // В явные знаки вплели скрытых намеков черты»³. Машинному интеллекту не свойственна таинственность, прихотливость, изысканность движения мысли, обнаруживаемая избранными представителями человеческого рода.

² Брюсов В.Я. Восстание машин // Литературное наследство. Т. 85. М.: Наука, 1976. С. 97.

³ Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М.: Худож. лит, 1973. С. 544.

В незавершенном рассказе «Мятеж машин» (1915) продолжена линия размышлений Брюсова о постепенном погружении человечества в зависимость от создаваемой им техники. «С первого часа после пробуждения человек вступал во власть машины»⁴. Пробуждение, подготовка к трудовому дню, перемещение к рабочему месту – все осуществляется посредством различных механизмов. В торговле и промышленности все действия автоматизированы, не требуют прямого и непрерывного вмешательства людей. Поэтому физический труд сделался излишним, а мускулы мало-помалу начали атрофироваться. Жизнь стала однообразной повсюду на планете.

Характерно, насколько ход мысли поэта оказался под влиянием событий начавшейся Первой мировой войны. Он сам говорит об этом в примечании, связывая угрозу человеческому бытию со стороны машин с германским духом.

В наши дни, дни «великой войны», когда наши противники значительнейшую долю своих упований основывают на *техническом превосходстве* Германии, может быть, не столь несвоевременной покажется фантастика, пытающаяся олицетворить технику. Та пропасть, в которую ведут крайние выводы германского символа веры, – вот то темное и грозное видение, предносившееся пред воображением автора⁵.

В этой связи нельзя не вспомнить более ранний текст современника Брюсова – Владимира Эрн – «От Канта к Крупну» (1914). В нем Эрн проводил прямую преемственность между трансцендентальной философией и орудиями убийства, производимыми в промышленном масштабе. Ибо теоретический феноменализм, по мнению философа, способствовал ориентации на посюстороннее бытие, поощрял идею земного владычества, мирового господства. «Под мягкой шкуркой немецкой культуры вдруг обнаружились хищные кровожадные когти»⁶.

Чувство тревоги, связанное с возрастанием роли техники в современном мире, роднит Брюсова с Бердяевым. «В мир победоносно вошла машина и нарушила вековый лад органической жизни»⁷. Бердяев говорил о новом космическом эоне, которому

⁴ Брюсов В.Я. Мятеж машин // Литературное наследство. Т. 85. М.: Наука, 1976. С. 103.

⁵ Брюсов В.Я. Мятеж машин. С. 100.

⁶ Эрн В.Ф. Соч. М.: Правда, 1991. С. 308.

⁷ Бердяев Н.А. Кризис искусства. М.: Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. С. 13.

свойственна механизация, отделение жизни от ее органических корней, ее атомизация.

Сама возможность мятежа машин в рассказе Брюсова связывается с предшествующей историей человечества. Важнейший феномен в этом отношении – техническая революция. XIX столетие берется за важную веху в развитии человечества. Людям удается подчинить себе стихии благодаря пару и электричеству, машины избавили их не только от тяжелого труда на производстве, но и от массы проблем повседневной жизни. Наконец, удалось одержать победу над расстояниями, перемещения по поверхности планеты стали быстрыми и легко доступными.

Прошлое с закономерностями его развития – сквозной мотив творчества Брюсова. Его философия культуры обретает четкие очертания в работе «Учители учителей». Он выделяет четыре этапа всеобщей истории: древнейший культурный мир, крито-микенская (эгейская) культура, античность, современность (включающая средневековье, Возрождение, Новое время). По его мнению, в средние века преобладал мистицизм, с XVI по XIX столетие наблюдался рост положительного знания, новейшей эпохе свойственно господство техники. Ссылаясь на неожиданно подтвердившиеся, казавшиеся многим безумными, идеи Шлимана, древнюю традицию, открытия, позволившие читать тексты на языках шумеров и египтян, он предсказывает в обозримой перспективе изменения в научных представлениях о прошлом. Так, в пирамидах он видит символ, зафиксировавший древнее мистическое учение о вечном стремлении от земного к высшему. Проводя аналогию между различными культурами древности, он говорил о сходстве многих явлений, объясняя их влиянием великой погибшей цивилизации: «признание мира атлантов разрешает большинство загадок древнейшей истории»⁸. Для Брюсова Атлантида – не вымысел, а необходимая предпосылка постижения прошлого. Не случайно его венок сонетов «Светоч мысли» (1918), посвященный теме преемственности во всемирной истории, начинается с обращения к Атлантиде: «и с той поры все пламенней, все шире // Сияла людям Мысль, как свет в эфире»⁹.

Конечно, Брюсов отнюдь не одинок среди тех, кто на рубеже XIX и XX вв. признавал истиной сообщения об атлантах. Среди символистов это мнение разделял Мережковский: «за Атлантидой – история»¹⁰. Отстаивали его и приверженцы оккультизма.

⁸ Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. М.: Худож. лит., 1975. С. 431.

⁹ Там же. Т. 3. М.: Худож. лит., 1974. С. 383.

¹⁰ Мережковский Д.С. Атлантида – Европа. Тайна Запада. М.: Русская книга, 1992. С. 34.

Развалины, которыми покрыты обе Америки и которые также обнаружены на Западно-Индийских островах, все приписываются жителям погрузившейся в океан Атлантиде¹¹.

Сторонников идеи геологической реальности Атлантиды можно встретить и в более близкое современному читателю время:

Мы считаем, что Атлантида была своеобразной обширной молодой областью суши, не имевшей аналогии в прошлом и существенно отличавшейся от древних материков. С полным правом мы можем назвать ее «базальтовым материком» [Жиров 1964, с. 311].

В художественном сознании Брюсова, таким образом, история разворачивается на пространстве от цивилизации атлантов до восстания машин против человека. Впрочем, последнее событие вовсе не предопределено, не представляет собой единственно возможного сценария будущего. Характерно, что в пьесе «Земля» поэт описано, как человечество погибает, постепенно утрачивая научные знания. Люди просто ждут, когда механизмы заработают сами собой, не будучи в состоянии их починить: «Бассейны высыхают, лампы гаснут»¹². Механизмы не бунтуют, они выходят из строя. Позабыв о том, что за пределами замкнутого города нет воздуха, люди, в стремлении к Солнцу, приводят в движение старинные поворотные механизмы. Старик ученый, догадывающийся о последствиях, никого не останавливает, полагая, что «погребальный костер» по отношению к человечеству лучше гниющего трупа. Купол города раскрывается, толпа гибнет.

Конечно, пессимистичный образ грядущего – не единственный, созданный поэтом. В более поздних своих пьесах он уже не говорит о смерти человечества. В них доминирует жизнеутверждающий настрой. В «Диктаторе» описано крушение замыслов подчинить человечество тирании политического лидера, замыслившего межпланетную экспансию. Не считаясь с жизнями и мнениями людей, он пытается навязать им «счастье и величие», опираясь на террор. В «Мире семи поколений» находит осуждение идея безграничного эгоизма, безразличия к чужой жизни. В статье «Смена культур» (1920) поэт проводил аналогию между жизненным циклом индивидуального бытия и судьбой целых цивилизаций, нередко сосуществующих, но также и последовательно возникающих друг за другом.

¹¹ *Блаватская Е.П.* Разоблаченная Изида. Ключ к тайнам древней и современной науки и теософии: В 2 т. Т. 1. М.: Эксмо, 2023. С. 790.

¹² *Брюсов В.Я.* Мир семи поколений. М.: Престиж Бук, 2023. С. 351.

Заметим, что тема унификации жизни человеческого рода и сопряженных с нею в будущем опасностей, затронутая в незавершенных текстах о бунте машин, занимала Брюсова давно. Она представлена, к примеру, в рассказе «Республика Южного Креста», в котором изображено процветающее в экономическом отношении государство, где господствуют жесткие предписания относительно обустройства жилья, питания, одежды: «при кажущейся свободе жизнь граждан была нормирована до мельчайших подробностей»¹³. В результате страну охватывает массовое заболевание, жителей поражает психическое расстройство.

В исследовательских оценках творчества Брюсова нашли своеобразное преломление важные особенности его мировосприятия. Для В.И. Иванова Брюсов – персонаж, «влюбленный в так называемое чистое творчество», склонный к пророческой деятельности¹⁴. Андрей Белый рассматривал Брюсова как «художника-символиста», свои усилия «с гипертрофией» направившего на «образ (плоть)»; это – «вулкан, покрытый льдом»¹⁵. Согласно Н.М. Зернову, Брюсов принадлежал «к интеллектуальной элите русского возрождения»¹⁶.

С.К. Кульюс отмечал значимость философского наследия В.С. Соловьева для мировосприятия Брюсова [Кульюс 1985, с. 52, 61–64]. В.Е. Молодяков следующим образом характеризует важную особенность интеллектуального развития выдающегося символиста: «Ни от чего не отказываясь, а только жадно впитывая все новое, жил и творил не только Брюсов-поэт, но и Брюсов-философ, и Брюсов-геополитик» [Молодяков 1994, с. 74]. П.Н. Берков полагал, что в дореволюционный период своей деятельности Брюсов «средствами поэтики символизма хотел показать неизбежную гибель искусственной, “машинной” культуры современного ему общества» [Берков 1963, с. 31].

Работы современных интерпретаторов наследия Брюсова высвечивают многогранность его дарования, затрагивают самые различные аспекты его мировосприятия. Так, в частности, В.В. Бычков особую значимость и актуальность наследия поэта видит в том, что «Символистское самосознание Брюсова, его символистская эстетика фактически затрагивают сущностные темы и проблемы художественного

¹³ *Брюсов В.Я.* Республика Южного Креста // Русская литературная утопия. М.: Изд-во МГУ, 1986. С. 172.

¹⁴ *Иванов В.И.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 206.

¹⁵ *Белый А.* Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 124, 400.

¹⁶ *Зернов Н.М.* Русское религиозное возрождение XX века. Paris: Ymca-press, 1991. С. 121.

творчества и эстетики в целом» [Бычков 2019, с. 34]. Д.В. Золина акцентирует внимание на рецепции античных мистерийных практик в творчестве Брюсова: «Он созидает мистику творчества, которая становится его путем к высшему знанию и обновлению души» [Золина 2015, с. 84]. И.В. Чиндин эволюцию взглядов поэта связывает с «мессианскими чаяниями русской культуры»: «Брюсов отринул теургические идеи преобразования человеческого бытия от идеалистической составляющей русской культуры, но он экзальтированно поддержал эти мессианские идеи от ее социально-материалистической составляющей» [Чиндин 2010, с. 95–96].

Проблема машинного интеллекта, более ста лет назад нашедшая оригинальное отражение в многогранном творчестве поэта-символиста, в современных научных исследованиях является одной из приоритетных. О перспективах искусственного интеллекта в его отношении к человеку в среде современных ученых высказываются различные, нередко диаметрально противоположные мнения. Наряду с оптимистическими суждениями («боязнь того, что машины могут вдруг обезуметь, есть не что иное, как напрасная трата эмоциональных сил», С. Пинкер; «Кое-кто опасается, что искусственный интеллект однажды станет настолько могущественным, что полностью выйдет из-под контроля. Этого не произойдет», С. Омухондро), присутствуют и алармистские (С. Хокинг), а также не самые радужные оценки будущего биологического мозга («не человеческий разум, а разум машин наиболее полно осмыслит мир», М. Рис), и, наконец, допускающие разные сценарии, оставляющие изрядное место неопределенности («Но не факт, что мы переживем столкновение с иным разумом, который сами же и создали», Д. Мазер)¹⁷. Примечательно, что позиция Брюсова не только не опровергнута, но, по существу, легко вписывается в одну из линий рассуждений изрядного числа современных авторов. Конечно, их аргументация, как и уровень технических знаний, существенно отличны от представлений о машинах начала XX в. Разумеется, у мнения о возможной опасности, исходящей от искусственного интеллекта, имеется немало противников. Но предостережение против бездумного подчинения человека технике, выраженное в разных исторических условиях, в различной форме, по-прежнему сохраняет свою актуальность.

В свете сказанного размышления Брюсова о машинном интеллекте не выглядят устаревшими, потерявшими остроту для

¹⁷ Что мы думаем о машинах, которые думают: Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте: Антология / Ред. Д. Брокман. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. С. 28, 35–36, 67, 33, 56.

современного читателя. Напротив, они побуждают задуматься об ответственности ученого, о значении для будущего каждого из наших сегодняшних шагов. Они стимулируют человека к тому, чтобы за стремлением к комфорту он не забывал о собственной творческой свободе. В самом общем смысле, они побуждают задуматься о смысле жизни.

Источники

- Белый А.* Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с.
- Бердяев Н.А.* Кризис искусства. М.: Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. 48 с.
- Блаватская Е.П.* Разоблаченная Изида. Ключ к тайнам древней и современной науки и теософии: В 2 т. М.: Эксмо, 2023.
- Брюсов В.Я.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Худож. лит, 1973–1975.
- Брюсов В.Я.* Восстание машин // Литературное наследство. Т. 85. М.: Наука, 1976. С. 95–99.
- Брюсов В.Я.* Мятаж машин // Литературное наследство. Т. 85. М.: Наука, 1976. С. 100–103.
- Брюсов В.Я.* Республика Южного Креста // Русская литературная утопия. М.: Изд-во МГУ, 1986. С. 170–185.
- Брюсов В.Я.* Мир семи поколений. М.: Престиж Бук, 2023. 528 с.
- Иванов В.И.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 428 с.
- Зернов Н.М.* Русское религиозное возрождение XX века. Paris: Ymca-press, 1991. 368 с.
- Мережковский Д.С.* Атлантида – Европа. Тайна Запада. М.: Русская книга, 1992. 416 с.
- Что мы думаем о машинах, которые думают: Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте: Антология / Ред. Д. Брокман. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 549 с.
- Эри В.Ф.* Соч. М.: Правда, 1991. 576 с.

Литература

- Берков 1963 – *Берков П.Н.* Проблемы истории мировой культуры в литературно-художественном и научном творчестве Валерия Брюсова // Брюсовские чтения 1962 года. Ереван: Арм. гос. изд-во, 1963. С. 20–54.
- Бычков 2019 – *Бычков В.В.* Символистская эстетика Валерия Брюсова // Вестник славянских культур, 2019. Т. 52. С. 20–36.
- Жиров 1964 – *Жиров Н.Ф.* Атлантида. Основные проблемы атлантологии. М.: Мысль, 1964. 431 с.
- Золина 2015 – *Золина Д.В.* Рецепция творчества как мистерии в поэзии В. Брюсова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 4. С. 81–84.

- Кульюс 1985 – *Кульюс С.К.* Ранний Брюсов о поэзии и философии Вл. Соловьева // Блоковский сборник. VI. А. Блок и его окружение. Тарту: Эст. гос. изд-во, 1985. С. 51–65.
- Молодяков 1994 – *Молодяков В.Е.* Историософия и геополитика: Валерий Брюсов о Востоке // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 74–84.
- Чиндин 2010 – *Чиндин И.В.* Философские аспекты творческой эволюции В.Я. Брюсова // Вестник Вятского гуманитарного университета. 2010. № 2-4. С. 90–96.

References

- Berkov, P.N. (1963), "Issues of the world culture history in the literary, artistic and scientific work of Valery Brusov", *Bryusovskie chteniya 1962 goda* [Bryusov Conference 1962], Arm. gos. izd-vo, Erevan, USSR, pp. 20–54.
- Bychkov, V.V. (2019), "The symbolist aesthetics of Valery Bryusov", *Vestnik slavianskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], vol. 52, pp. 20–36.
- Chindin, I.V. (2010), "Philosophical aspects of V.Ya. Bryusov's creative evolution", *Vestnik Vyatskogo gumanitarnogo universiteta* [Vestnik of Vyatka Humanitarian University], no. 2-4, pp. 90–96.
- Kulyus, S.K. (1985), "Early Bryusov on the poetry and philosophy of Vladimir Soloviev", *Blokovskii sbornik. VI. A. Blok i ego okruzhenie* [Blok's collection. VI. A. Blok and his circle], Est. gos. izd-vo, Tartu, USSR, pp. 51–65.
- Molodyakov, V.E. (1994), "Historiosophy and geopolitics. Valery Bryusov on the Orient", *Social Sciences and Contemporary World*, no. 4, pp. 74–84.
- Zhirov, N.F. (1964), *Atlantida. Osnovnye problemy atlantologii* [Atlantis. Main issues of atlantology], Mysl, Moscow, USSR.
- Zolina D.V. (2015), "Creative work perception as a mystery in the poetry of Valery Bryusov", *Vestnik of Kostroma State University*, no. 4, pp. 81–84.

Информация об авторе

Арте́м А. Кро́тов, доктор философских наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; krotov@philos.msu.ru

Information about the author

Artem A. Krotov, Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; krotov@philos.msu.ru